

Объяснительная

Дорогой Иван Васильевич! Пишу вам не потому, что испугалась увольнения, а потому, что мне очень печально. Я-то уйду. Меня в музее давно заждались. Там уборщица померла – на её место меня уговаривают. А вот как вам тут придётся без меня. Потом поймёте, да поздно станет. Ведь такие дуры, как я, в наше время явление редкое, чтобы сдувать со всех каждую былинку да ещё по пустякам выкладывать всякие объяснительные.

Увольняйте немедленно! Всё равно ваша завхозиха любимая отняла у меня разом и ведро, и тряпки. Да ещё заставила излагаться перед вами на бумаге.

А правда моя, Иван Васильевич, в том, что не прогуляла, я не прогуляла среду с четвергом, а просидела всё это голодное время в отделении.

Вы думаете, что кроме пьяного хулиганства, там больше делать нечего? Завхозиха неправильно рассуждает по этому поводу. А я там терпела столько потому, что пострадала на дороге. А пострадала я от троллейбусихи пятьдесят восьмого номера.

Дело в том, что мы с Петром Борисычем ехали на нём до брата его Степана Борисыча. А пятьдесят восьмая не поехала по Калинину, а захотелось ей развернуться по Карлу Марксу. По этой причине существенной и меня, и Петра Борисыча взяло за живое место полное огорчение.

Мы сперва взялись уговаривать Пятьдесят Восьмую не перечить никому, а следовать, как нам надо. И ни в какую кабину её мы нисколько не лезли и драться даже не думали. Просто Пётр Борисыч в это время осознал себя настоящим пассажиром и стал просится к ней – поправить ошибку. А Пятьдесят Восьмая, ни с того ни с сего, взяла и психанула изо всей силы. Здоровенная такая оказалась. И захотелось ей провести над Петром Борисычем произвол.

И совершила! Пиханула его так ловко, что на остановке, в открытую дверь, выпал не он, а я – прямым рикошетом получилось.

Сразу подняться на ноги и вернуться в салон у меня не хватило расторопности. А не хватило потому, что наши люди не жалеют, а потешаются над чужой слабостью. Я ажно красным стыдом вся покрылась.

Но троллейбусиха не стала меня дожидаться, а дёрнулась да поехала. Во мне от этого зашевелилась новая тревога: увезёт халера Петра Васильевича от меня. Чего доброго, где попало выгонит приезжего в городе человека. А он, в таком волнении, разве правильный путь определит? Кто ему поспособствует в этом без меня?

Это ещё хорошо, что я к её отходу успела на колени подняться. Тут мимо меня верёвка позадь троллейбуса мимо поехала. Низко болталась. Я ухватила за неё – штангу от провода оттянуть, остановить движение. А верёвка оказалась к поручню привязанной. Ну я и поехала животом мимо остановки.

На то зло железяка на дороге валялась и подвернулась под меня. Хорошо не очень острой была. А всё равно оборвала меня на животе вместе с платьем. Показать могу, если не поверите. Завхозихе я уже показывала. Но она даже удостоверить не изволила, а давай из моих рук швабру тянуть. А

я не шибко хорошо после такой травмы на ногах стояла. И уронила она меня на тот же живот.

Иван Васильевич! Хороший вы мой человек! Нельзя же так обходиться с живым человеком. И не принимайте её слова близко к сердцу. Ей сбрехнуть, что в бане зад почесать.

Она ить не только про меня всякую козу сочиняет. Она и про вас наплела, будто вы с нашей новой бухгалтершей прямо на коммунальном мосту обнимались.

А ещё привязалась к тому, что испарения от меня ей не нравятся – одета я перед нею не так. Какое её дело? Может, я светопреставление в одних трусах встречать собралась.

Всех наших людей она так настроила, будто вы деньги им платите за то, чтобы они на таких, как я, пальцем показывали. Хватит! Увольняюсь к чёртовой матери!

Адидас твою налево

Я люблю, когда костёр горит! Эхма! Веселись, душа! Чо ей при живом огне да не веселиться, твою адидас налево! Поглянь, какая канистра светится спротив него! Чо ж ей не светиться? Сщас мы её раскрасуем на душевную радость.

Чо спрашиваешь? Как Маруша моя на это посмотрит? Да как посмотрит, так и поглядит. Ты чо про неё вспомнил? Орёт, говоришь, сильно громко? Орёт она громко, только бегаёт тихо. Шибко пузо большое. Придись, ни за что не догонит.

Да ну её, эту беголку. Нашёл о ком заговорить. Давай лучше дерябним.

О-о! Та-ак! Пошла-покатилаь по живому! Далась тебе моя Маруша...

Моя марушечка не думает про нас,

Моя мвршечка не влезет в адидас...

Она, конечно, не Марина Влади. Но зато! Самогон варит – я те дам! Бери, пробуй давай, не сиди пустым. Ну? То-то же!

Давай, давай. Это её работа! А без самогона разве бы стал я с такую орухой жить. Видал, сколько баб за мною стреляют?

Давай ещё по одной стрельнём. Ну их баб на фига. О, пошла-а родимая! Покатилась милая-упрямая да прям по живому телу...

Я при своей Марушке только самогоном и держусь. Меня больше ничем не взять. Как там у Пушкина: высока, стройна, бела... Это он не про неё написал.

И вообще... На первом месте у неё даже не самогон. На первом месте у неё жадность! Такая вот, адидас, мне в жизни поэзия досталась. Она, адидас, и выгонит, и загонит, и участкового обдалдонит... Только меня не проведёшь. Насчёт денег – похвалиться не могу. На них у меня нюх некудышный. А что самогон – тут и собаку не зови. Под землёй найду.

Ну и чо мы отлыниваем сидим! Пей-наливай и мне плесни. Салом закусывай, а то не выпьешь, сколько захочешь...

А вот один раз было такое дело.

Спрятала она от меня как-то целую сулию. Искал, искал – убился найти! Ажно уснул на крыльце от усталости. А с крыльца утром на крик петуха глаза открываю и удивляюсь. Картошка в огороде уже по колено мне, выдула, стоит. И чёрте знает что! Петух тот поверх ботвы стоит-голосит. Я – к нему! Как сразу, дурак, не догадался: лежит под ним моя сулея, кустом прикрылась. Заждалась меня красавица? Я милашку за тормашку и вместе через заплот – к соседям. Они передо мною и не охнули – так порадовались. Тут же разом все запоры на засовы. А Маруха моя следом хватилась ломиться в замки. А нас дома никого нету. Через неделю, слава Богу, объявились...

И вот тут-то я оплошал. Завести новую брагу она, знаю, завела, а сама взяла и унеслась к сестре в район – зубы вставлять. Другую неделю ещё ждал. Высох весь. А ничего душевного не нашёл. И надумал я субботним днём баню затопить. Приедет, думаю, пора зазубриться.

А ты чо сидишь, уши распустил? Наливай давай! Жахнем давай за ту за дурную баню!

Так вот – баню мою паром уже распирает, а до автобуса жёнина ещё целый час. Хрен с нею, думаю, с моею Морушею – успеет напариться и после меня...

Сам в баню я, как в пекло, полез. Пару густо – ладонью не прорежешь. Я сдуру квасу ещё поддал. Наполоскался веником, развалился на полке и хрюкаю от удовольствия.

И тут чую: вроде кто-то рядом тоже напарился – аж сопеть начинает! Плаха подо мною вроде как подрагивать стала. Скоро мыло на мне запузырилось! Когда кому-то тому зарюкалось! Я ихвати во двор нагишом!

А тут вот она и моя Маруха из району с сумкой стоит. Я – к ней орать: ты кого в бане спрятала? Она пуще меня завопила – ты чо, угорел? С того угару я и звезданул ей по новым зубам. У неё рука тоже не белошвейкиной оказалась, как припаяла мне сумкой по башке. А в сумке три кила соли.

Для посола крупной купила. И пошла у нас потеха!

Завалил я дуру свою посреди двора и в широкий рот земли сыплю: не ори, адидас твою налево, кайся, профура! Орёт – спасите! Сщас! Прибежали, спасли. От жалости вся деревня до слёз рыдала.

Нашёлся какой-то придурок. Дрын ухватил. Стебанул меня по мыльным пузырям. Распластался я пластом.

Дурёха моя орёт из-под меня: спасите – мужа убивают!

Заступник дрын швыранул, плюнул на меня и калитку захлопнул. Я – на ноги! И только тут сообразил, в чём перед деревнею оказался. Кинулся укрыться в баню. А мне навстречу из-под полка фляга пыхтит-катится, играет вся брагою.

Адидас твою налево! Как её тогда не разорвало!?

Былые штучки...

В товарищеский суд нашего управления поступила жалоба из районного отделения милиции на строполя Болотникова Виктора Ивановича, 1946 года рождения. На днях ему должно стукнуть сорок лет.

И ведь стукнет! А он, обвиняемый товарищ Болотников, двадцать седьмого июня, будучи во вменяемом опьянении, поймал в соседнем дворе живую курицу на обработанного самогоном червяка. И не первый раз те соседи замечали, как Болотников пользуется этим методом отлова. Когда курица пьянеет, он берёт её голыми руками и кормит сына Вову, который посещает среднюю школу номер тридцать семь в четвёртом классе.

Учительница Болотникова Вовы не один раз удосуживалась порадовать нашу организацию сплошными двойками. Нас милиция просит посодействовать на отца.

Дело в том, что на еде несчастной курицы участие принимают собутыльники Виктора Ивановича, который постоянно пользуется второй сменой жены, чтобы помешать ей влиять на сына с плохой стороны.

– Не крутись, Болотников, тут нету тебе пьяных куриц! Посмотрите на этого главу, товарищи: у него даже не остаётся денег – привести себя в общий порядок, а в частности, явиться на наше мероприятие с приличного состояния головою!

– Стыдно, Виктор Иванович! Ваши красные уши выдают из вас человека с высокой совестью. Пора ею пользоваться.

– У кого имеются вопросы к Болотникову по существу?

– Ты, Витька, как ты куриц ловишь? На удочку или петлёю?

– Чо её ловить? Она валяется, как дурочка.

– Прекрати, Болотников, учить! Ты думаешь, что тут только одни валенки сидят? К сожалению, среди нас таких нету! Лучше ответь нам про сына!

– А чо сын? У него тоже мои червяки на самогоне.

– И двойки нетрезвые?

Проскакивают и трезвые. У него сызмальства доньшко в голове худое.

– А какие тобой принимаются меры по ликвидации?

– Мне чо? Убить его ли чо ли, из-за вашей школы?

– Не советую, Болотников. Это не метод! Ты поясни нашим сотрудикам, чем он у тебя в свободное время занимается?

– Как чем? Соседи говорят, у них телевизор смотрит.

– А дома нет что ли?

– Дом есть, а смотреть нефига. Вообще-то, дом от пробабки достался. Щели кругом. Сплю, а куры за пятки щиплют. Ползаю потом на работе, как маринованная муха. Случится если несчастный случай, прокурор не меня, а вас будет по судам таскать. Почему вовремя квартиру отказали?

– Это не твоя забота, кто кого по судам таскать будет! Я пока про сына тебя спрашиваю.

– А чо сын? Юрка-тренер обещался в бассей его пустить, да мне возить его по скользящему некогда. Переведите в одну смену – для порядка.

– У тебя, говорят, и с женою не всё в порядке? Тоже, наверное, график скользящий виноват?

– Со стороны видней, если с нею что не в порядке. Я справку из больницы на неё не спрашивал.

– Я про её синяки говорю, а не про здоровье.

– Голова у неё от натуги синеет – по сторонам много жалуются. И вы на меня тут зря болтаете. У меня и без того мало времени. На смену опаздываю – работать пошёл.